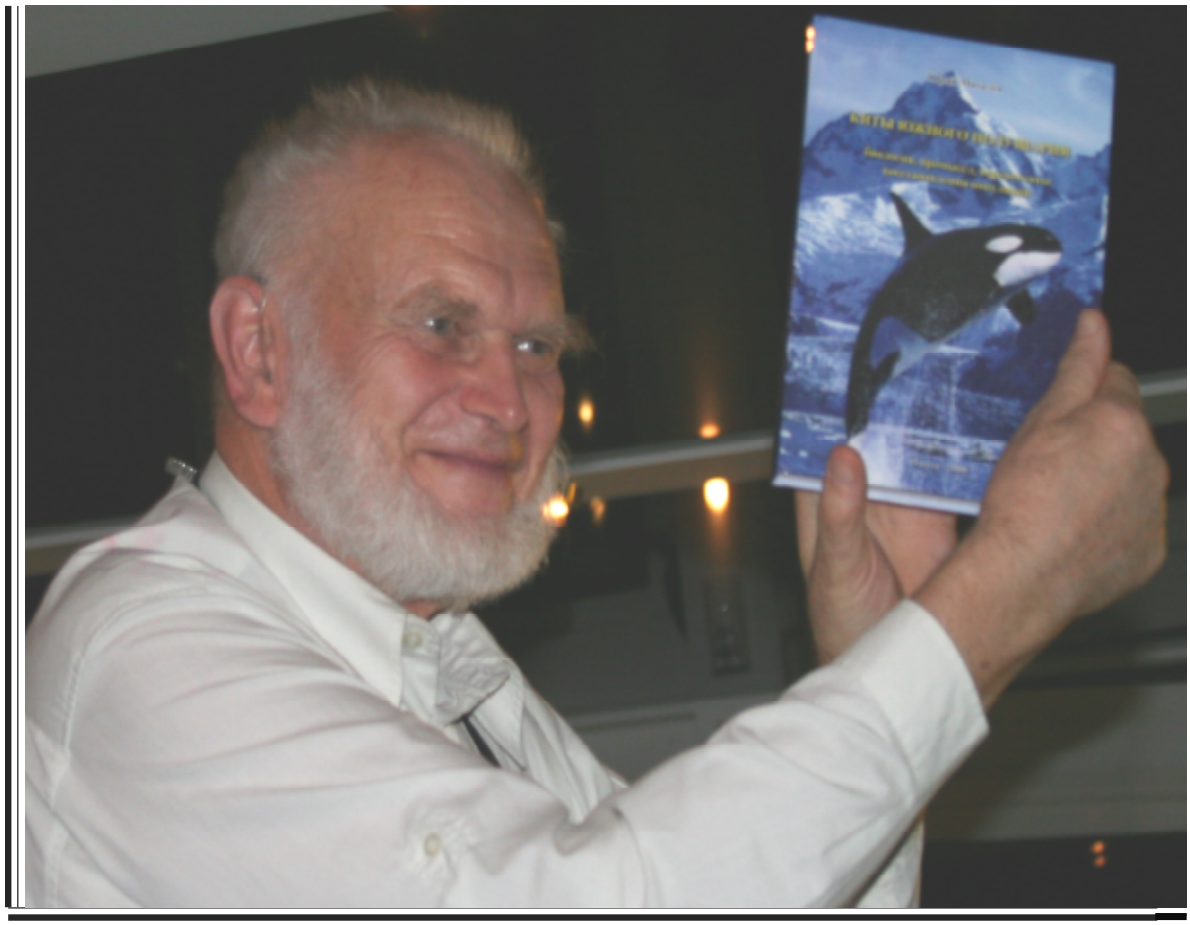
ISSN 2306-5508

Известия Музейного Фонда им. А.А. Браунера



№ 1

Том XIV 2017

Алексей Владимирович Яблоков

Банкет по случаю 75-летию Алексея Владимировича Яблокова.
К статье Ю. А. Михалева "Алексей Владимирович Яблоков – в моей жизни и в моей памяти"

Учитель и ученик. Счасливы оба!
К статье Ю. А. Михалева “Алексей Владимирович Яблоков – в моей жизни и в моей памяти”

А. В. Яблоков под гигантской туей.
К статье Ю. А. Михалева “Алексей Владимирович Яблоков – в моей жизни и в моей памяти”

ISSN 2306-5508. Известия Музейного фонда им. А. А. Браунера. 2017. Том XIV. № 1. 1-32.

Известия Музейного Фонда им. А. А. Браунера

№ 1
Том XIV 2017

Научный журнал • Основан в декабре 2003 г. • Выходит 4 раза в год

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 594(477.7):069.5:378.4(477.74-21)

Б. Г. ЛИНЕЦКИЙ

Одесский национальный университет

РЕВИЗИЯ ЭКСПОЗИЦИИ МОЛЛЮСКОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ЗООЛОГИЧЕСКОМ МУЗЕЕ ОДЕССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

В статье рассмотрена экспозиция украинских моллюсков зоологического музея ОНУ. Приведен список устаревших и неправильных названий с указанием общепринятых и даны рекомендации по улучшению качества стендов.

Ключевые слова: моллюски, коллекция, зоологический музей ОНУ, Украина

Экспозиция украинских моллюсков Одесского национального университета им. И. И. Мечникова включает в себя 143 раковины, принадлежащие 97 видам. Экспонаты смонтированы в четырех вертикальных застекленных стендах на черном фоне. Перед мелкими раковинами установлены увеличительные стекла.

Научные названия представленных моллюсков не пересматривались со времен монтажа стендов. В последние десятилетия в систематике моллюсков произошли значительные изменения, связанные с распространением молекулярно-генетических методов и уходом от компараторных, особенно широко применявшихся отечественными систематиками (Гураль-Сверлова, Гураль, 2015). Это привело к тому, что многие подписи устарели, что может помешать образовательному процессу.

Целью работы был пересмотр научных названий видов, представленных в экспозиции. Для этого были поставлены следующие задачи:

1) проверить валидность указанных на этикетках названий;
2) привести общепринятые в настоящее время названия видов для экспонатов;
3) дать рекомендации по улучшению стендов.

© Линецкий Б. Г., 2017 г.

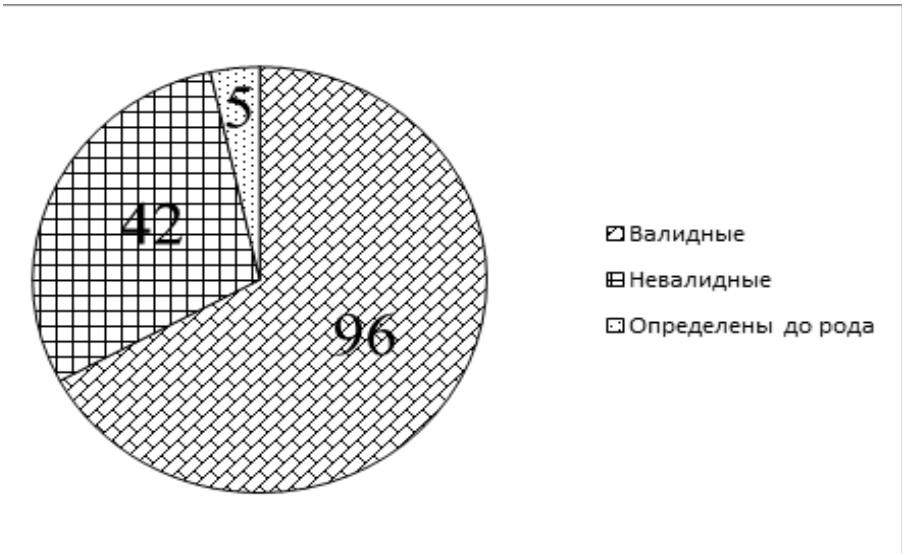


Рис. 1. Соотношение видовых названий экспонатов. Цифрами указано количество экспонатов в группе.

Выяснилось, что 29% экспонатов имеют ошибочные или устаревшие названия, 3% – определены только до рода, а оставшиеся 67% – валидные (Рис. 1). Экспонаты с подписями, нуждающимися в исправлении, указаны в таблице 1.

Экспонаты, определенные только до рода нуждаются в дальнейшем определении. Это две раковины *Hypanis sp*. (№ 98 и 128), *Nippeutis sp.* (№ 143), *Pisidium sp*. (№ 145) и *Valvata sp*. (№ 146).

Причинами изменения названия выступало сведение в младшие синонимы, изменение рода и смешение названий младшего и старшего синонимов. Многие виды, сведенные в младшие синонимы, были указаны по компараторной систематике. Оставшиеся экспонаты имеют валидные названия. Их список приведен в таблице 2.

Рекомендуем исправить устаревшие подписи к экспонатам и оставить в каждом стенде по одному экспонату на каждый валидный вид. Освободившееся место может быть заполнено новыми экспонатами, такими как подаренные музею раковины видов-вселенцев *Anadara kagoshimensis* (Tokunaga, 1906) и *Potamopyrgus antipodarum* (Gray, 1843).

Литература

Гураль-Сверлова Н. В., Гураль Р. И. Моллюски семейства Unionidae в фондах Государственного природоведческого музея НАН Украины, их конхологическая изменчивость и особенности диагностики [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: http://www.pip-mollusca.org/page/epubl/unionidae.php – 4.03.2015. – Моллюски семейства Unionidae в фондах Государственного природоведческого музея НАН Украины, их конхологическая изменчивость и особенности диагностики. – ISBN 978-966-02-7540-9 (електронне видання).

Гураль Р. І., Гураль-Сверлова Н. В. Прісноводні молюски України: ілюстрована база даних [Електронний ресурс]. – Львів, Державний природознавчий музей НАН України, 2012–2017. URL: http://www.pip-mollusca.org/page/phg/freshwater/index.php (дата звернення: 05.04.2017)

Корнюшин А. В. О видовом составе пресноводных двустворчатых моллюсков Украины и стратегии их охраны. Вестник зоологии. – 2002. – 36 (1). – С. 9–23

Mees J. World Register of Marine Species. [Електронний ресурс] / J. Mees, G. Boxshall, M. Costello et al. // WoRMS Editorial Board. – 2017. – Режим доступу до ресурсу: http://www.marinespecies.org

Parr C. S. Encyclopedia of Life [Електронний ресурс] / C. S. Parr, N. Wilson, P. Leary та ін. – 2017. – Режим доступу до ресурсу: http://eol.org/.

Таблица 1

Экспонаты, нуждающиеся в исправлении подписи

№	Название экспоната	Валидное название вида	Источник
16 (5/1)	*Hypanis laeviuscula fragilis* Mil.	*Adacna laeviuscula* (Eichwald, 1829)	Mees et al., 2017
17 (5/1)	*Hypanis laeviuscula fragilis* Mil.	*Adacna laeviuscula* (Eichwald, 1829)	Mees et al., 2017
23 (5/2)	*Modiolus phaseolinus* Philippi	*Modiolula phaseolina* (Philippi, 1844)	Mees et al., 2017
24 (5/2)	*Modiolus adriaticus* Lam.	*Gibbomodiola adriatica* (Lamarck, 1819)	Mees et al., 2017
25 (5/2)	*Flexopecten ponticus* Bucquy	*Flexopecten glaber ponticus* (Bucquoy, Dautzenberg & Dollfus, 1889)	Mees et al., 2017
26 (5/2)	*Flexopecten ponticus* Bucquy	*Flexopecten glaber ponticus* (Bucquoy, Dautzenberg & Dollfus, 1889)	Mees et al., 2017
27 (5/2)	*Flexopecten ponticus* Bucquy	*Flexopecten glaber ponticus* (Bucquoy, Dautzenberg & Dollfus, 1889)	Mees et al., 2017
28 (5/2)	*Loripes lucinalis* lam.	*Loripes orbiculatus* Poli, 1791	Mees et al., 2017
32 (5/2)	*Cerastoderma lamarkii lamarkii* Reeve	*Cerastoderma glaucum* (Bruguière, 1789)	Mees et al., 2017
36 (5/2)	*Polititapes petalina* Lam	*Polititapes aureus* (Gmelin, 1791)	Mees et al., 2017
37 (5/2)	*Polititapes aurea* Gmelin	*Polititapes aureus* (Gmelin, 1791)	Mees et al., 2017
38 (5/2)	*Spisula triangula* Renieri	*Spisula subtruncata* (da Costa, 1778)	Mees et al., 2017
51 (5/2)	*Abra alba* oecitanica Recluz	*Abra alba* (W. Wood, 1802)	Mees et al., 2017
52 (5/2)	*Abra ovata* Philippi	*Abra segmentum* (Récluz, 1843)	Mees et al., 2017
56 (5/2)	*Mohrensternia parva* Costa	*Frigidoalvania* sp	Mees et al., 2017
59 (5/2)	*Cytharella costata* Pennant	*Mangelia costata* (Pennant, 1777)	Mees et al., 2017
61 (5/2)	*Tricolia pulla* L.	*Tricolia pullus* (Linnaeus, 1758)	Mees et al., 2017
64 (5/2)	*Nana donovania* Risso	*Tritia pellucida* (Risso, 1826)	Mees et al., 2017

Продолжение таблицы 1

№	Название экспоната	Валидное название вида	Источник
66 (5/3)	*Patella tarentina* Solis	*Patella ulyssiponensis* Gmelin, 1791	Mees et al., 2017
73 (5/3)	*Loripes lucinalis* lam.	*Loripes orbiculatus* Poli, 1791	Mees et al., 2017
78 (5/3)	*Polititapes aurea* Gmelin	*Polititapes aureus* (Gmelin, 1791)	Mees et al., 2017
79 (5/3)	*Polititapes petalina* Lam	*Polititapes aureus* (Gmelin, 1791)	Mees et al., 2017
91 (5/3)	*Dreissena rostriformis* Andrusov	*Dreissena bugensis* Andrusov, 1897	Гураль-Сверлова, Гураль, 2015
92 (5/3)	*Cerastoderma lamarkii lamarkii* Reeve	*Cerastoderma glaucum* (Bruguière, 1789)	Mees et al., 2017
94 (5/3)	*Hypanis pontica* Eichwald	*Monodacna pontica* (Eichwald, 1838)	Mees et al., 2017
95 (5/3)	*Hypanis angusticostata angusticostata* Borcea	*Monodacna colorata* (Eichwald, 1829)	Mees et al., 2017
96 (5/3)	*Hypanis colorata* Eichwald	*Monodacna colorata* (Eichwald, 1829)	Mees et al., 2017
97 (5/3)	*Hypanis plicata* relicta Mil.	*Hypanis plicata* (Eichwald, 1829)	Mees et al., 2017
99 (5/3)	*Abra ovata* Philippi	*Abra segmentum* (Récluz, 1843)	Mees et al., 2017
101 (5/3)	*Turricaspia ostroumovi* Golikov et Starobogatov	*Turricaspia lincta* (Milaschewitch, 1908)	Mees et al., 2017
102 (5/3)	*Turricaspia lindholmiana* Golikov et Starobogatov	*Turricaspia conus* (Eichwald, 1838)	Mees et al., 2017
118 (5/4)	*Anodonta zellenis* Gmelin	*Anodonta cygnea* (Linnaeus, 1758)	Гураль, Гураль-Сверлова, 2012
120 (5/4)	*Anodonta minima* Millet	*Anodonta* anatina (Linnaeus, 1758)	Гураль, Гураль-Сверлова, 2012
121 (5/4)	*Anodonta rossmaessleri* Bourg	*Pseudanodonta middendorffi* (Siemaschko 1849)	Гураль, Гураль-Сверлова, 2012
123 (5/4)	*Crassiana musiva* Spengler	*Batavusiana crassa* (Philipsson, 1788)	Гураль, Гураль-Сверлова, 2012
127 (5/4)	*Hypanis laeviuscula* fragilis Mil.	*Adacna laeviuscula* (Eichwald, 1829)	Mees et al., 2017
129 (5/4)	*Hypanis colorata* Eichwald	*Monodacna colorata* (Eichwald, 1829)	Parr, 2017
130 (5/4)	*Sphaerium nitidum* Clessin in Westerlund	*Pisidium nitidum* (Jenyns, 1832)	Корнюшин, 2002
139 (5/4)	*Anisus contortus* L.	*Bathyomphalus contortus* (Linnaeus, 1758)	Parr, 2017
140 (5/4)	*Anisus laevis* Alder	*Gyraulus laevis* (Alder, 1838)	Parr, 2017
142 (5/4)	*Valvata depressa* C. Pfeiffer	*Valvata macrostoma* (Mörch, 1864)	Parr, 2017
156 (5/4)	*Turricaspia ostroumovi* Golikov et Starobogatov	*Turricaspia lincta* (Milaschewitch, 1908)	Parr, 2017

Таблица 2

Экспонаты с валидными названиями

№	Название
18 (5/1)	*Cerastoderma glaucum* (Bruguière, 1789)
19 (5/1)	*Dreissena polymorpha* (Pallas, 1771)
20 (5/2)	*Ostrea edulis* Linnaeus, 1758
21 (5/2)	*Mytilus galloprovincialis* Lamarck, 1819
22 (5/2)	*Mytilaster lineatus* (Gmelin, 1791)
29 (5/2)	*Donax trunculus* Linnaeus, 1758
30 (5/2)	*Acanthocardia paucicostata* (G. B. Sowerby II, 1834)
31 (5/2)	*Parvicardium exiguum* (Gmelin, 1791)
33 (5/2)	*Pitar rudis* (Poli, 1795)
34 (5/2)	*Irus irus* (Linnaeus, 1758)
35 (5/2)	*Chamelea gallina* (Linnaeus, 1758)
39 (5/2)	*Donacilla cornea* (Poli, 1791)
40 (5/2)	*Solecurtus strigilatus* (Linnaeus, 1758)
41 (5/2)	*Gastrana fragilis* (Linnaeus, 1758)
42 (5/2)	*Solen vagina* Linnaeus, 1758
43 (5/2)	*Pholas dactylus* Linnaeus, 1758
44 (5/2)	*Barnea candida* (Linnaeus, 1758)
45 (5/2)	*Mya arenaria* Linnaeus, 1758
46 (5/2)	*Dreissena polymorpha* (Pallas, 1771)
47 (5/2)	*Spisula subtruncata* (da Costa, 1778)
48 (5/2)	*Moerella tenuis* (Da Costa, 1778)
49 (5/2)	*Moerella donacina* (Linnaeus, 1758)
50 (5/2)	*Gouldia minima* (Montagu, 1803)
53 (5/2)	*Lepidochitona cinerea* (Linnaeus, 1767)
54 (5/2)	*Lentidium mediterraneum* (O. G. Costa, 1830)
55 (5/2)	*Rissoa splendida* Eichwald, 1830
57 (5/2)	*Hydrobia acuta* (Draparnaud, 1805)
58 (5/2)	*Epitonium clathrus* (Linnaeus, 1758)
60 (5/2)	*Melarhaphe neritoides* (Linnaeus, 1758)
62 (5/2)	*Bittium reticulatum* (da Costa, 1778)
63 (5/2)	*Calyptraea chinensis* (Linnaeus, 1758)
65 (5/2)	*Retusa truncatula* (Bruguière, 1792)
67 (5/2)	*Gibbula divaricata* (Linnaeus, 1758)
68(5/2)	*Gibbula albida* (Gmelin, 1791)
69 (5/2)	*Cerithium vulgatum* Bruguière, 1792
72 (5/3)	*Mytilus galloprovincialis* Lamarck, 1819
77 (5/3)	*Chamelea gallina* (Linnaeus, 1758)
83 (5/3)	*Rissoa splendida* Eichwald, 1830
84 (5/3)	*Rissoa venusta* Philippi, 1844
85 (5/3)	*Hydrobia acuta* (Draparnaud, 1805)
86 (5/3)	*Bittium reticulatum* (da Costa, 1778)
87 (5/3)	*Tritia reticulata* (Linnaeus, 1758)
88 (5/3)	*Retusa truncatula* (Bruguière, 1792)

Продолжение таблицы 2

№	Название
90 (5/3)	*Dreissena polymorpha* (Pallas, 1771)
93 (5/3)	*Mya arenaria* (Linnaeus, 1758)
100 (5/3)	*Lentidium mediterraneum* (O. G. Costa, 1830)
103 (5/3)	*Turricaspia triton* (Eichwald, 1838)
104 (5/3)	*Turricaspia variabilis* (Eichwald, 1838)
105 (5/3)	*Sphaerium nitidum* (Clessin in Westerlund, 1876)
106 (5/3)	*Theodoxus fluviatilis* (Linnaeus, 1758)
107 (5/3)	*Theodoxus pallasi* (Lindholm, 1924)
108 (5/3)	*Theodoxus euxinus* (Clessin, 1886)
109 (5/3)	*Fagotia esperi* (Férussac, 1823)
110 (5/3)	*Fagotia acicularis* (Férussac, 1823)
111 (5/3)	*Planorbarius corneus* (Linnaeus, 1758)
112 (5/3)	*Planorbis planorbis* (Linnaeus, 1758)
113 (5/3)	*Lymnaea auricularia* (Linnaeus, 1758)
114 (5/3)	*Lymnaea stagnalis* (Linnaeus, 1758)
115 (5/3)	*Bithynia troschel* (Paasch, 1842)
116 (5/3)	*Viviparus viviparus* (Linnaeus, 1758)
117 (5/4)	*Anodonta piscinalis* (Nilsson, 1822)
119 (5/4)	*Anodonta cygnea* (Linnaeus, 1758)
122 (5/4)	*Pseudanodonta complanata* (Rossmässler, 1835)
124 (5/4)	*Unio tumidus tumidus* (Philipsson, 1788)
125 (5/4)	*Unio pictorum* (Linnaeus, 1758)
126 (5/4)	*Dreissena polymorpha* (Pallas, 1771)
131 (5/4)	*Sphaerium corneum* (Linnaeus, 1758)
132 (5/4)	*Sphaerium rivicola* (Lamarck, 1818)
133 (5/4)	*Planorbarius grandis* (Dunker in Küster & Dunker, 1850)
134 (5/4)	*Planorbarius corneus* (Linnaeus, 1758)
135 (5/4)	*Planorbis planorbis* (Linnaeus, 1758)
136 (5/4)	*Anisus vortex* (Linnaeus, 1758)
137 (5/4)	*Anisus septemgyratus* (Rossmässler, 1835)
138 (5/4)	*Anisus leucostoma* (Millet, 1813)
141 (5/4)	*Anisus draparnaudi* (Sheppard, 1823)
144 (5/4)	*Acroloxus lacustris* (Linnaeus, 1758)
147 (5/4)	*Segmentina distinguenda* (Gredler, 1859)

Продолжение таблицы 2

№	Название
148 (5/4)	*Valvata piscinalis* (O. F. Müller, 1774)
149 (5/4)	*Aplexa hypnorum* (Linnaeus, 1758)
150 (5/4)	*Lithoglyphus naticoides* (C. Pfeiffer, 1828)
151 (5/4)	*Theodoxus fluviatilis* (Linnaeus, 1758)
152 (5/4)	*Theodoxus pallasi* (Lindholm, 1924)
153 (5/4)	*Theodoxus euxinus* (Clessin, 1886)
154 (5/4)	*Turricaspia variabilis* (Eichwald, 1838)
155 (5/4)	*Turricaspia triton* (Eichwald, 1838)
157 (5/4)	*Bithynia tentaculata* (Linnaeus, 1758)
158 (5/4)	*Bithynia leachii* (Sheppard, 1823)
159 (5/4)	*Fagotia esperi* (Férussac, 1823)
160 (5/4)	*Fagotia acicularis* (Férussac, 1823)
161 (5/4)	*Lymnaea stagnalis* (Linnaeus, 1758)
163 (5/4)	*Lymnaea auricularia* (Linnaeus, 1758)
164 (5/4)	*Lymnaea ovata* (Draparnaud, 1805)
165 (5/4)	*Physa fontinalis* (Linnaeus, 1758)
166 (5/4)	*Physella acuta* (Draparnaud, 1805)
167 (5/4)	*Viviparus viviparus* (Linnaeus, 1758)
168 (5/4)	*Viviparus contectus* (Millet, 1813)

Поступила в редакцию 23.02.2017 г.

ДЕЯТЕЛИ НАУКИ

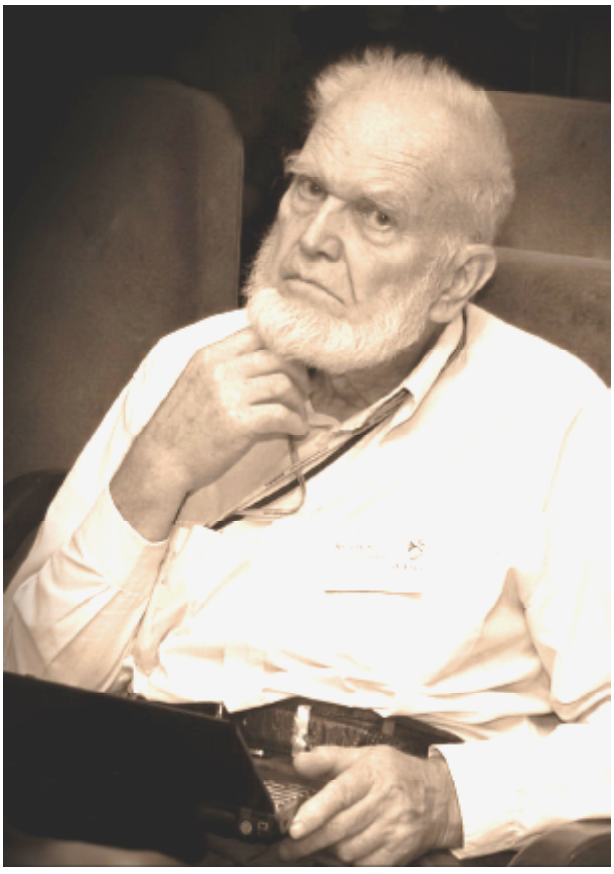
УДК 59:929 ЯБЛОКОВ

Ю. А. МИХАЛЕВ

Институт морской биологии НАН Украины

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЯБЛОКОВ – В МОЕЙ ЖИЗНИ И В МОЕЙ ПАМЯТИ

Воспоминания об известном учёном, исследователе китообразных, общественном деятеле.
Ключевые слова: ВНИРО, киты



Знал ли я Алексея Владимировича? – и знал, и не знал. Я не работал с ним в одном институте, в одной лаборатории. Не ходил с ним в рейсы. Не участвовал в совместных экспедициях. Не состоял в одной партии. Не был вхож в его дом. Знаю только по совместной борьбе с браконьерством на китов и за чистоту научных материалов по китобойному промыслу. Ну, конечно, были совместные участия в научных конференциях. Больше всего общался я с ним как с оппонентом своих диссертаций. Поэтому воспоминания мои будут очень субъективными и сопряжены со мной лично.

Мешать написанию воспоминаний будет и волнение, ответственность и даже в какой-то степени страх перед Алексеем Владимировичем, ведь он для меня еще живой, стоит рядом… А я, как и многие другие, безмерно его уважал и… побаивался! Надо сказать, что побаивались Алексея Владимировича не только те, кто был моложе, но и старше, и значительно старше. В разговоре с ним, в споре, при решении каких-либо вопросов, ни дай бог, что-либо сморозить, ошибиться: тут же на повышенном тоне от него тебе нелицеприятная реплика. Сразу на место поставит. Бил наотмашь, невзирая на лица, как говорится «резал правду-матку». Но, тут же дальше все продолжалось в спокойном тоне, как будто бы ничего и не произошло. Да, был он вспыльчив, характер взрывной – это правда.

© Михалев Ю. А., 2017 г.

Свела судьба меня с Алексеем Владимировичем следующим образом. После окончания в 1963-м году биофака Кишиневского университета надо было определиться с дальнейшей работой. Заведующая университетским музеем, А. М. Дидусенко, вернувшись из Одессы, сказала, что там, в Лаборатории ихтиологии и морских млекопитающих есть вакансии. Нужны ребята для работы в составе научных группах на Одесских китобойных флотилиях «Слава» и «Советская Украина». «Киты? О, интересно, романтично!» – подумал я.

Поехал в Одессу, дал свое согласие, и меня зачислили в лабораторию исполняющим обязанности старшего научного сотрудника. Стал изучать литературу по китам в библиотеках города. С волнением запросил через «книга-почтой» «Китообразные» А. Г. Томилина («наша Библия») – и, вот удача, прислали! В следующем году ушел в рейс на флотилии «Советская Украина», затем на флотилии «Слава», а потом два рейса на флотилии «Юрий Долгорукий», и еще два рейса на научно-поисковом китобойном судне «Бодрый-25», и так с двумя годовыми перерывами – 6 рейсов, и 8 лет жизни.

Одесская лаборатория относилась к системе ВНИРО, и каждый год перед рейсом сотрудники научных групп выезжали в Москву в институт на инструктаж, а после рейса – на отчет. Заинтересовался проблемами размножения китообразных. Стал работать над диссертацией. Когда черновой вариант был готов, я доложил ее на коллоквиуме Лаборатории морских млекопитающих ВНИРО. Заключение было такое:

– Мы в твоих формулах ничего не понимаем, иди к Яблокову, – как он скажет.

С Алексеем Владимировичем лично я не был знаком, знал только по статьям и книгам, постеснялся идти к нему в Академию Наук. На следующий год все повторилось:

– Иди к Яблокову!

Тут, как часто это бывает, свою роль сыграл случай. Присутствовавший на семинаре заведующий лабораторией морских млекопитающих ТИНРО Альфред Антонович Берзин вслух сказал, что идет к Яблокову. Он был с ним накоротке, так как Алексей Владимирович собирал материал по морским млекопитающим на Дальнем Востоке, и они тесно общались.

Позволю себе небольшое отступление. Алексей Владимирович поддерживал Фреда и в написании монографии «Кашалот» и в защите докторской диссертации по этой монографии. Конечно, Фред был ему безмерно благодарен и даже переусердствовал: посмотрите в его монографии на стр. 10, где он благодарит Лабораторию постнатального онтогенеза, тогда там работал Алексей Владимирович: вместо «постнатального» напечатано «постанального»! И такие ляпсусы от волнения бывают! Долго мы потом потешались над Фредом!

Вот тогда, сотрудник лаборатории М. В. Ивашин мне и говорит – поезжай вместе с Берзиным к Яблокову. Я решился и поехал. Кабинет Яблокова был открыт, но хозяина не было, он в Актовом зале на совещании. Сидим, ждем. Наконец, пришел. Живьем я его увидел впервые: высокий, голубоглазый, с бородкой – чистый скандинав, викинг! Алексей Владимирович присел прямо на стол, бегло просмотрел мои странички (я еще подумал: неужели так быстро читает?), сунул мне их обратно, и сказал:

– Ну, вот что, мил человек, согласен с тобою возиться при условии в три месяца – четыре статьи.

И я ушел, сказав про себя: к этому хаму больше ни ногой! Я пришел узнать мнение о выбранной мною теме, как ее решаю и сумел ли ее решить, а тут он: «мил человек», «возиться», требование количества статей...

И снова в рейс, и снова после рейсовый отчет во ВНИРО, и снова направляют идти к Яблокову. И снова идёт к нему Берзин… Решился, опять пошел с Фредом. Все повторилось: подождали, пришел, присел на стол, посмотрел мои рукописи и таблицы с графиками (к этому времени я уже их добавил). И вдруг:

– Посмотри Фред, там целый институт работает – и без толку, а здесь один парень всю проблему раскрутил, – и, повернувшись ко мне:

– Защищайся, хочешь, буду руководителем, хочешь – оппонентом?!

– Ну, – отвечаю, – руководители и во ВНИРО найдутся, прошу быть оппонентом.

Так и договорились! С этого момента мы прониклись уважением друг к другу, а затем и подружились на долгие годы! Уже без Берзина и без страха я приходил к нему!.. Разговаривали. Многих проблем касались. По всем вопросам, не только биологическим, но и о людях, и о ситуации в Стране. В вопросах политики почти до последних дней мнения наши совпадали, в последнее же время выявились серьезные разногласия, но об этом чуть позже.

Родившись в Москве, в семье интеллигентов, ученых, он получил хорошее образование. От природы обладал удивительной памятью и работоспособностью. Умел улавливать суть вопроса, обобщать. Кругозор был очень широким. Знал хорошо литературу, искусство, – да какого вопроса ни коснись! У него была прекрасная русская речь, и писал не плохо. Особенно хорошим слогом написана его «Фенетика». Я ему сказал об этом, и он был рад моему комплименту, похоже, и сам был доволен написанным.

Когда я принес ему готовую диссертацию, он прочел её и вдруг сказал:

– Жаль, что уже сверстали нашу книгу «Киты и дельфины», можно было бы включить туда твои разработки. – Неожиданно добавил:

– Юра, поработай еще год-другой и представь её на защиту докторской!

Кажется, тогда еще, в виде исключения, можно было защищать докторскую диссертацию без кандидатской учёной степени. Я сказал ему, что меня жизнь торопит – двое детей, нет квартиры, нужно вырываться из нищеты. Он согласился.

За день до защиты Ученый секретарь Совета во ВНИРО сказал, что нет отзыва Яблокова! Звоню Алексею Владимировичу:

– Напомни мне вечером часиков в девять.

Звоню в девять:

– Уже сижу, пишу. – И вдруг:

– Я чуть тебя не задробил. Что ты тут на Постановление партии и правительства ссылаешься?

– Так, ведь, – говорю, – иначе в моей лаборатории не выпустили бы к защите!

– Да, понятно. Всё.

Назавтра, отзыв к защите был готов. Вот так он работал: быстро, энергично, сразу на чистовик!

После защиты, тут же подарил мне книгу «Киты и дельфины» с подписью всех соавторов и надписью: «Только что выпеченному ученому». Как было приятно! Очень дорожу этим подарком! На моей полке много книг Алексея Владимировича: «Белуха. Опыт монографического исследования вида» (с соавторами); «Изменчивость млекопитающих»; «Краткий очерк теории эволюции» (в соавторстве с таким корифеем как Н. Н. Воронцов, Н. В. Тимофеев-Ресовский); «Эволюционное учение» (соавтор А. Г. Юсуфов); «Фенетика. Эволюция, популяция, признак»; «Уровни охраны живой природы»; «Книга для учителя по Дарвинизму», с его комментариями. Брошюры по охране природы. И много других. Но, самой дорогой для меня остается книга «Киты и дельфины», да и пользуюсь я ею чаще.

А. В. Яблоков мог отчаянно спорить, но прислушивался к доводам собеседника, и если тот был прав – соглашался. Помню, когда я обнаружил «парные образования» не только на верхней челюсти, но и на нижней, и не только у усатых, но и у зубатых китов, Алексей Владимирович стал категорически отрицать такую возможность. Говорит:

– Юра, ну где они там могут быть? Глупости.

Пришлось привезти в Москву в его лабораторию эмбрион и показать. Был обеденный перерыв, он собирался в столовую. Взглянув на эмбрион, на «парные образования», он сразу согласился. Шутя, говорит:

– Идём в столовую, покормлю тебя за интересное открытие!

Поели, немного поговорили.

На защите моей докторской диссертации Алексей Владимирович также был официальным оппонентом. Защита проходила в Институте эволюционной морфологии животных им. А. Н. Северцова. После моего доклада Алексей Владимирович попросился выступить первым – спешил, так как должен был бежать на телевидение давать какое-то интервью. И тут удивил: в оценке диссертации сказал, что каждая глава работы достойна быть отдельной самостоятельной докторской диссертацией! По сути, вся защита на этом и кончилась. Другие оппоненты: Людмила Сергеевна Богословская (светлая ей память!) и Ольга Леонидовна Россолимо сказали, что раз так диссертацию оценивает Яблоков, то, о чем тут говорить? Члены Ученого Совета проголосовали единогласно!

Но не так отнеслись к моей диссертации на Украине. В ВАКе сказали, что я не имел права защищаться в России без их согласия. Мое возражение, что документы на защиту были поданы ещё до появления требования о согласии ВАК Украины, не было принято. Мне предложили пройти нострификацию. По совету директора Института зоологии АН Украины И. А. Акимова я отказался от нострификации и решил защищаться заново, но уже по специальности не «экология», а «зоология». Диссертацию пришлось переработать и дополнить. На это было потрачено еще 6 лет. Основным оппонентом и на этой защите остался Алексей Владимирович, два других доктора-оппонента были с Украины.

А встречи с Алексеем Владимировичем на Конференциях по морским млекопитающим, сколько впечатлений! Ну, как можно не помнить разгоревшуюся жаркую дискуссия между Авениром Григорьевичем Томилиным и Алексеем Владимировичем по вопросу «чудесной сети» у китообразных, на киевской 1975 года конференции? Алексей Владимирович в споре был страстным, беспощадным!

Однажды после Совещания поехали на природу, на Куршскую косу. Чудесное место! Как сейчас вижу высокую фигуру Алексея Владимировича с развивающими ветром волосами, на гребне высокой песчаной дюны. На той конференции ещё были живы и присутствовали: Борис Александрович Зенкович, очень колоритная личность Сергей Мараков, руководитель моей кандидатской диссертации Виктор Александрович Афанасьев, организатор конференции и поездки на природу Вячеслав Алексеевич Земский (оба участники войны и первых рейсов в Антарктику на китобойной флотилии «Слава»).

А на конференции в Одессе? Ох, и «получил» тогда Алексей Владимирович от меня за то, что не взял с собой жену – Дильбар Николаевну! Оправдывался, говорит, возвращались вдвоем из Брюсселя, денег было маловато, вот и отправил её домой, а сам заехал в Одессу на конференцию! Не думал, что здесь все так будет организовано и обеспечено.

Поселили мы его в той же гостинице, где проходила конференция. Вечером зашел к нему. На следующий день он должен был уезжать. Спрашиваю:

– Все нормально?

– Тут поблизости где-нибудь можно перекусить?

– Да, здесь и организуем.

Пошел на кухню, там спрашивают, что он есть будет, мясо или рыбу? Бегу к нему. Говорит, мясо. Вот тут я его и поддел:

– Понятно, говорю, сам ни рыба, ни мясо, жену в Одессу не взял, а есть хочет мясо. Он вдогонку погрозил мне пальцем. К тому времени в наших отношениях иногда были позволительны и такие вольности. Посидели, распили бутылочку молдавского красного сухого вина «Негру де Пуркарь», поговорили… О пустяках поговорили. А можно было о многом его спросить, чего я не знал или не понимал. Ну, вот, не зная генетики, меня все время волновал вопрос: как в процессе эволюции изменяется число хромосом? У шимпанзе 48, а у человека 46. Как исчезла еще одна пара? Конечно можно было почитать специальную литературу и разобраться, а тут без труда – получай сразу ответ… Не все понимал я и в теории номогенеза Л. С. Берга. Мог, наконец, расспросить о таких корифеях биологии как Н. И. Вавилов, Н. К. Кольцов, Ю. А. Филипченко, А. С. Серебровский, С. С. Четвериков. И особенно о А. А. Любищеве, описанном Даниилом Граниным в книге «Эта странная жизнь». Мнение Алексея Владимировича о нём для меня было бы крайне интересным. Кстати, Алексей Владимирович тогда очень волновался, как Даниил Гранин опишет Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского в «Зубре». Спрашиваю:

– Ну, чего Вы волнуетесь?

– Очень, – говорит, – талантливый писатель Гранин, как напишет, такое в обществе и сложится впечатление.

А волноваться были основания: из-за того, что сына Н. В. Тимофеева-Ресовского в Германии арестовали за антифашистскую деятельность и держали в тюрьме, ему пришлось на все время войны остаться в Германии. Он мог бы выглядеть как коллаборационист. Но, слава Богу, Даниил Гранин во всем разобрался.

Так как Алексей Владимирович до этого не видел Одессы, то на второй день я повозил его по центральным улицам города на своей машине. Не умел он отдыхать, в поездке все спешил, боялся опоздать на самолет. Я ему объяснял, что аэропорт рядом с городом, а он все равно волновался. За 15 минут докатили до аэропорта и час ждали начала регистрации.

Потом при встречах Алексей Владимирович тепло вспоминал проведенное в Одессе время. Был очень благодарен за устроенный ему подарок – празднование в Одесском дельфинарии его 75-летия! Там я ему напомнил, как когда-то он подарил мне «Китов и дельфинов», и добавил, что в отместку теперь тоже дарю только что вышедшую из печати свою книгу «Киты Южного полушария». Мне кажется, что он в тот вечер был счастлив!

На конференции в Санкт-Петербурге у меня с Алексеем Владимировичем впервые выявились политические разногласия. По приезде я сказал ему:

– Представляете, меня в институте не хотели пускать? Говорят, ты едешь во враждующую с нами страну! И только когда сказал, что на конференции будут ученые из Европы и США, отпустили!

– Правильно сказали, мы агрессоры. Сейчас в Москве проходит 50-ти тысячный протестный Марш мира!

– Вот пусть они и промаршируют прямо в Киев, побудут там пару неделек, посмотрят факельные шествия нацистов!

– Надо подумать, надо поговорить.

Но, к сожалению, поговорить нам на эту тему тогда, не удалось.

Против браконьерства китов сотрудники научных групп китобойных флотилий выступали на каждом после рейсовом отчете во ВНИРО. Ходили даже на приём к Министру рыбного хозяйства А. А. Ишкову (этот поход описан в мемуарах А. А. Берзина). Все было бесполезно! К сожалению, со временем аморальный характер промысла сказался и на морали научных сотрудников. В основном в рейсы стали ходить за «длинным рублем». Теперь не только сквозь пальцы смотрели на браконьерство, а, что ужасно, стали соучастниками в фальсификации научных материалов!

Заметив это, я, как заведующий Одесской китовой лабораторией, вынужден был доложить о ситуации во ВНИРО, а затем и Первому заместителю министра Рыбного хозяйства Владимиру Михайловичу Каменцеву. Но попытки что-то изменить, закончились множеством комиссий, и в итоге – упразднением одесской лаборатории! Решающую отрицательную роль, к сожалению, сыграл член той комиссии, заведующий Лабораторией морских млекопитающих Атлант-НИРО Д. Д. Тормосов. Из Калининграда в Одессу он полетел не напрямую, а через Москву. В Министерстве Рыбного хозяйства получил указание признать материалы научной группы китобойной флотилии достоверными.

– Ты фашист, – сказал он мне по приезде в Одессу, – ты замахиваешься на десятитысячный коллектив китобойной флотилии.

То есть, повторил те же слова, которые я уже не раз слышал от руководства Объединения «Антарктика».

К моменту приезда в Одессу Д. Д. Тормосова, заключение комиссии было готово. Комиссия пришли к выводу, что научные материалы фальсифицированы, и что подавать их в таком виде в Научный комитет Международной Китобойной Комиссии нельзя. Но Д. Д. Тормосов настоял на обтекаемой формулировке в пользу фальсификаторов и браконьеров. В итоге были наказаны не фальсификаторы научных материалов, а моя лаборатория, которая попросту была упразднена. Мне пришлось перейти на преподавательскую работу в педагогический институт. Казалось, с исследованиями китов для меня все кончено!

Но вот наступили Новые времена. Шла острая борьба со старым, в которой значительную роль сыграло демократическое движение в стране и позиция в нём Межрегиональной депутатской группы Верховного Совета, лидерами которой были такие известные личности, как А. Д. Сахаров, Ю. Н. Афанасьев, Г. Х. Попов. Активную позицию в группе занимал и А. В. Яблоков. После прихода к власти Б. Н. Ельцина, Алексей Владимирович стал отвечать за экологическую политику Страны. Кстати, именно политическая позиция и его активность стала причиной того, что некоторые члены Президиума Академии Наук помешали получить ему звание Действительного члена Академии Наук, мол, нас критиковал, а как встал у власти, так и сам в Академики лезет!

Шёл 1994-й год. Однажды у меня дома прозвенел междугородный звонок. Беру трубку, слышу дорогой мне голос:

– Юра, Яблоков. Принято правительственное решение ехать на очередное заседание Научного комитета Международной Китобойной Комиссии и доложить о действительных объемах советского промысла китов. Поедешь с нами?

– Поеду.

– Не боишься?

– Алексей Владимирович, если я не боялся тогда, когда меня таскали в КГБ, то теперь чего бояться? Поеду! (Как-то не подумалось в тот момент, что живу уже в «Незалежной Украине», которая идет националистическим путем с тенденцией к нацизму. Забыл, что, будучи депутатом Одесского горсовета, «бандеровцы» предупредили, что когда они придут к власти, то повесят меня в числе первой десятки).

– Бери загранпаспорт и вылетай.

– Нет у меня загранпаспорта. Меня же никуда не выпускали, а в рейсе загранпаспорт не нужен был!

Пауза. Заминка.

– Все равно вылетай!

Принял тогда Алексей Владимирович нас, бывших заведующих китовыми лабораториями (кроме меня, В. А. Земского, А. А. Берзина, Д. Д. Тормосова), в просторном кабинете на, кажется,

6-м этаже бывшего здания ЦК Компартии. Широкое окно выходило на Красную площадь и Кремль – картина чудесная, родная! Алексей Владимирович встал из-за стола, подошел и обнял меня:

– Я рад, что ты приехал, без данных флотилий «Слава» и «Советская Украина» никак не обойтись.

И я был ему очень рад – светлый он человек! Говорю:

– За такой вид из окна не Вам должны зарплату платить, а Вы должны доплачивать! Было как-то весело, празднично, ведь все мы оказались вместе после долгого перерыва. И где?! И для какого дела?! И главное, что Алексей Владимирович получил для этой акции «добро» Правительства России! За два дня загранпаспорт для меня был оформлен! И мы улетели в Пуэрто Ваярта (Мексика) на конференцию Научного комитета Международной Китобойной Комиссии.

К этому времени Алексеем Владимировичем уже была опубликована статья о советском браконьерстве китов в авторитетном журнале «Nature» (Yablokov A.V. 1994. Validity of whaling data. Nature. L. 367 (6459): 108) и сделан доклад о браконьерстве южных гладких китов на Международной конференции в США (совместно с Д. Д. Тормосовым). Тем не менее, сообщение Вячеслава Алексеевича Земского доложенное на конференции от имени всех заведующих китовыми лабораториями, произвело эффект разорвавшейся бомбы! Японская делегация была в смятении, но в браконьерстве не призналась, как до сих пор не признались и другие страны, добывавшие китов с нарушениями.

Теперь нам предстояла большая работа по сбору первичных документов советского промысла, их обработка и подготовка к опубликованию в печати. К сожалению, к этому времени уже многие китовые паспорта, полевые блокноты научных сотрудников, журналы осмотра китов – были безвозвратно утеряны. Библиотеку и часть отчетов одесской лаборатории передали в лабораторию города Измаила и с закрытием лаборатории они исчезли. Мокрые препараты (эмбрионы, яичники, ушные пробки, прочие), которые хранились в подвале, просто сгнили. Коллекция зубов кашалотов и других зубатых китов была разворована на сувениры и поделки. Декальцинированные половинки мелких зубов для определения возраста животных были вывезены на свалку. Надо было собирать воедино то, что еще сохранилось. Помню, звонит мне С. Г. Бушуев и говорит:

– Юрий Алексеевич, завтра собираются выбросить на мусор два мешка научных отчётов лаборатории технологии и биологии. Надо что-то делать.

Вечером приехал на своем стареньком «Запорожце», и мы увезли эти отчеты!

– Спасибо, Сережа!

Здесь надо отметить одну черту Алексея Владимировича Яблокова. При всей своей бескомпромиссности, он ради науки мог многое простить. Так, в Калининграде значительная часть первичных материалов по китам была сохранена. За это Алексей Владимирович не попрекал Д. Д. Тормосова, что тот ушел из научной группы и ходил в рейсы инспектором. В обязанности которого как раз и входила подготовка ложных данных по добыче китов для передачи в Международную Китобойную Комиссию, которые соответствовали бы выделенной флотилии квоте. Таким образом, помогал скрыть действительные объемы добычи китов, порой многократно превышающие квоту. Но, Алексей Владимирович даже слышать не хотел имя М. В. Ивашина. Заметая следы браконьерства китов, тот сжигал во дворе ВНИРО полевые блокноты научных сотрудников (первичные материалы осмотра китов). Не мог слышать и имя В. Л. Юхова – руководителя научной группы на флотилии «Советская Украина», который, в угоду руководству флотилии, фальсифицировал первичные научные материалы.

Наша работа по восстановлению данных реальной добычи китов была организована следующим образом: все бывшие заведующие лабораториями сначала готовили материал в своих городах: В. А. Земский в Москве, я в Одессе, А. А. Берзин во Владивостоке, Д. Д. Тормосов в Калининграде. Потом материалы передавались нам с В. А. Земским, и мы уже их обобщали.

Еще одно небольшое отступление. Работали в Москве на квартире у Вячеслава Алексеевича. Сидели на кухне за столом напротив друг друга. Был еще и третий участник: бультерьер сучка Рейси - любимица Земских. Она почему-то сразу признала меня своим хозяином, сидела под столом на ступнях моих ног, и время от времени пыталась ухватить палец ноги Вячеслава Алексеевича, торчащий из комнатных тапочек. Он вскрикивал, апеллируя к жене: «Кира, она опять меня грызет!» Я давал Рейсе шлепка, и на время все затихало. Однажды я на денёк уехал к друзьям в Красногорск. Поздно вечером приезжаю, вижу: Земские в напряжении. Оказывается, Рейси весь день просидела на диване, охраняя мой портфель, отказавшись даже гулять с Вячеславом Алексеевичем. Пришлось быстренько выгулять её в соседнем парке.

В результате нашей работы было подготовлено не менее тысячи документов: таблицы, карты распределения китов, подписи к ним, пояснительные записки. Затем все передавалось на суд божий – Алексею Владимировичу. Он вычитывал тексты, делал замечания. После их устранения подготовленные сводки направлялись в печать. В результате проделанной под руководством Алексея Владимировича работы, все было опубликовано в книгах на русском и английском языке: «Материалы советского китобойного промысла (1947–1972)». – Центр экологической политики России, Москва, 1996, 335с. (Сначала репринтное издание, 1995 год, затем типографское издание, 1996 год); а также сборник статей под редакцией А. В. Яблокова и В. А. Земского: «Материалы советского китобойного промысла (1949–1979)». – Центр экологической политики России, Москва, 2000, 408 с.

Ещё одно отступление от темы. Однажды звонит мне в Одессу В. А. Земский:

– Юра, встречай меня завтра, прилетаю самолётом.

– Вячеслав Алексеевич, в чем дело?

– Прилечу, расскажу.

Оказывается, в суете и сильной загруженности он забыл написать статью к нашему сборнику, которую ему поручил А. В. Яблоков. Через несколько дней ее надо было сдать. А гнев Алексея Владимировича страшный!

Спрашиваю:

– Тема статьи?

– Влияние китов на экосистему Мирового океана.

– О, ужас, – говорю, – эту проблему и институт не сможет описать!

– Давай, – говорит, – подумаем, выручай.

Я чуть матом не ругался. А делать нечего. Набросали несколько тезисов, несколько примерных заголовков. Остановились на одном варианте. Что-то состряпали. Как-то пронесло).

Первым научным увлечением Алексея Владимировича стали морские млекопитающие. Любовь к этим животным сохранилась на всю жизнь. Его и кандидатская, и докторская диссертации были посвящены их морфологическим особенностям. Конечно же, Алексей Владимирович не мог не обратиться и к проблемам эволюции животного мира. Способствовало этому также его работа в Институте эволюционной морфологии животных имени А. Н. Северцова, затем в Институте генетики. В этот период он сблизился с выдающимся биологом-генетиком, человеком удивительной судьбы Николаем Владимировичем Тимофеевым-Ресовским, оказавшим на него большое влияние. Помню, однажды я приехал к Алексею Владимировичу в институт. Пошли в актовый зал, где Тимофеев-Ресовский читал лекцию. В перерыве, недалеко от выхода из зала Н. В. Тимофеев-Ресовский и Н. П. Дубинин остановились, обсуждая какой-то вопрос. Упомянули при этом статью Н. П. Дубинина, опубликованную, как сказал Н. В. Тимофеев-Ресовский в 1925 году.

– Нет, в 1926, – возразил Н. П. Дубинин.

– Нет, в 1925, – настаивал Н. В. Тимофеев-Ресовский.

И так несколько раз. Наконец Н. П. Дубинин что-то вспомнил и согласился, что 1925-м. Получается, что Н. В. Тимофеев-Ресовский хронологию статей, опубликованных Н. П. Дубининым, знал лучше автора!

Мы стояли рядом, и я видел с каким восторгом Алексей Владимирович смотрел на этих корифеев науки. Глаза его светились. Кивнув в их сторону, он шепнул мне:

– А?! Какие люди!

Может быть, в то время они для Алексея Владимировича были такими же светочами науки, каким потом он сам стал для нас.

В те годы Алексей Владимирович вёл для детей какую-то телевизионную передачу по биологии. Н. В. Тимофеев-Ресовский по этому поводу подтрунивал над ним:

– Хочешь, чтоб тебя узнавали, рекламируешь себя?

– Надо же детей обучать, – оправдывался Алексей Владимирович.

– Да брось ты... Наукой надо заниматься, время теряешь, – парировал Николай Владимирович. Ух, и строгий же он был!

Знание вариабельности признаков животных и понимание эволюционных процессов привели Алексея Владимировича (думаю, не без влияния Тимофеева-Ресовского) к теории фенетики. На мой взгляд, это вершина его научной мысли. Книга «Фенетика. Эволюция, популяция, признак» написана прекрасным языком! Даже теперь, когда стало сравнительно легко исследовать гены, фенетика имеет большое научное и, что очень важно, практическое значение. Пока у животного возьмешь пробу на биопсию, пока доберешься до генетической лаборатории (а далеко ещё не у всех есть такая возможность), биолог может сфотографировать животное, измерить, сравнить, идентифицировать, сделать выводы о принадлежности к той или иной популяции, решить целый ряд вопросов биологии. Фенетика дает такие возможности. Вот вам пример. Когда Алексей Владимирович захотел разобраться в географических вариациях окраски косаток, он собрал, откуда мог их фотографии (прислал, и я свои), и в соавторстве с W. E. Evans and A. E. Bowles написал новаторскую в этой области статью.

Знание морфологии животных и теории эволюции не могли не привести Алексея Владимировича к проблеме охраны Природы, к необходимости изменить отношение к ней. Он неистово пытался объяснить Человечеству надвигающиеся угрозы. Боролся за Природу страстно! В результате Алексей Владимирович пришел к мысли, что без участия в политике, изменить ситуацию невозможно. Он основал отделение Гринпис в стране, создал партию «Союз зелёных России», принял участие во множестве Международных природоохранных организациях. Как у него на всё хватало сил и времени, бог знает?

При всей своей занятости Алексей Владимирович не забывал и о любимых морских млекопитающих, отлично понимая, что они являются одним из верхних звеньев в экосистеме Мирового океана. После распада Советского Союза в тяжелые голодные годы «Перестройки», Алексей Владимирович не дал исчезнуть Совету по морским млекопитающим. Он собрал специалистов этой области и провел под Москвой в Голицыно первую в России их конференцию. Получив, какую-то финансовую поддержку от Международных организаций, он наградил участников грамотами и вручил небольшие гранты, которые тогда нам дали возможность как-то просуществовать до лучших времен.

«Совет по морским млекопитающим Голарктики» (так теперь назвали это объединение) продолжает свою деятельность и проводит научные конференции раз в два года. До конца своих дней жизни Алексей Владимирович оберегал Совет, координировал его работу, а в последние годы был и его Председателем. К сожалению, из-за болезни на конференцию 2016 г. в Астрахани он уже не смог приехать.

Тем дороже для меня была с ним встреча на предыдущей конференции в Санкт-Петербурге (22-27 сентября 2014 г.). После моего доклада по амбре кашалотов в кулуарах мы с коллегами живо обсуждали тему. Вдруг, смотрю, опираясь на увесистую палку (у него уже тогда сильно болели ноги), ко мне направляется Алексей Владимирович. Сердце ёкнуло – сейчас даст разнос, а то и палкой побьет! Но он широко улыбнулся и сказал:

– Вот такие, Юра, и надо делать доклады на наших конференциях! Молодец!

Это был большой для меня подарок! Так и стоит он перед моими глазами улыбающийся, приветливый! Спасибо Судьбе, что он был у нас и в моей жизни!

Парадоксально, но было в этом могучем, уже пожилом человеке что-то и детское. Интересно, что при всей своей преданности науке, объективности, строгим требованиям к фактам, в нем жил и романтизм. Иногда он готов был поверить в чудеса, в сказки. Кажется, в 1964 году А. А. Берзин опубликовал заметку, что якобы видел в их дальневосточных водах Стеллерову корову, которая уже более 200 лет назад как была полностью истреблена. И Алексей Владимирович поверил. Потом это оказалось чушью. Когда сотрудники научной группы флотилии «Советская Россия» сообщили, что у берегов Австралии якобы видели ихтиозавра, он также допустил такую возможность, и опубликовал это сообщение в курируемом им журнале «Природа».

Могучая личность, эрудит, мыслитель, бесконечно работоспособный, с большой любовью к жизни! Милый был человек, доброжелательный! Как его было не любить, не ценить? Как нам теперь будет его не хватать?!

Поступила в редакцию 23.01.2017 г.

УДК 573:929 ШУЛЬГИНА

Т. А. БОГАЧИК, Л. В. РЯСИКОВ, Ю. В. СУВОРОВ

Одесский национальный университет

О ПРОФЕССОРЕ-БИОЛОГЕ НИНЕ СЕРГЕЕВНЕ ШУЛЬГИНОЙ

Приведены воспоминания о Н. С. Шульгиной людей, знавших её лично в годы работы в классическом университете Одессы, в Одесской Базе Севастопольской биологической станции им. А. О. Ковалевского АН СССР, в Ленинградском физиологическом институте им. академика И. П. Павлова АН СССР и в Украинском экспериментальном институте им. академика В. П. Филатова. Указаны детали биографии профессора, которые ранее были неизвестны.
Ключевые слова: Одесский университет, биология, медицина

Лауреат Государственной премии УССР, д.б.н., профессор Н. С. Шульгина.

22 июня 2016 года исполнилось 75 лет со дня начала нового кровопролитнейшего этапа Второй мировой войны, память о военных событиях которой вечна и бессмертна, а мужественные действия её бесчисленных героев навсегда останутся в сердцах благодарных потомков.

В год славного юбилея, нам – авторам этой историко-научной публикации хотелось бы вспомнить имя простого человека, который был непосредственным участником многочисленных событий тех военных лет – Нины Сергеевны Шульгиной выпускницы биологического факультета Одесского государственного университета в июне 1940 года.

Нина Сергеевна Шульгина родилась в 1918 г. в городе Мезим, расположенном в бывшей Черниговской губернии. Ее отец – Сергей Порфирьевич Шульгин, по национальности русский, из дворян, по специальности врач, работавший в земской больнице. Мать - Елена Михайловна Шульгина, по национальности грузинка, из семьи грузинских дворян, обладавшая княжеским титулом, по специальности – педагог, преподавала математику в местной земской школе.

© Богачик Т. А., Рясиков Л. В., Суворов Ю. В., 2017 г.

Н. С. Шульгина (аспирантка 1940 г.) во время отдыха с родными на даче в Одессе.

Они познакомились в Германии, где вместе учились в известном университете Лейпцига: он на медицинском факультете, она на математическом отделении физико-математического факультета. Там же они и официально оформили свой брак, а получив диплом о высшем образовании, вернулись вместе в небольшое имение мужа близ г. Мезима.

Первой в семье молодых супругов в 1916 г. родилась дочь Наталья, а затем два года спустя появилась вторая дочь, которую назвали Ниной.

В 1922 г. семья Шульгиных переехала в крупнейший город на побережье Черного моря – Одессу. Здесь многие годы жили их родственники – семья Якимовичей, приходившихся Наталье и Нине Шульгиным дядей и тетей.

Якимовичи были сербами по происхождению, вели издавна морскую торговлю в Одессе и имели даже собственный фамильный склеп на территории нового 2 христианского кладбища нашего города (Личный архив автора).

Обе дочери семьи Шульгиных, получили от родителей прекрасное начальное образование, глубокие основы классической нравственности и морали. Однако в 1924 г. семью Шульгиных постигло большое горе – скоропостижно скончался ее глава Сергей Порфирьевич Шульгин в результате обширного сепсиса, возникшего в результате неудачного удаления зуба. Родственники Якимовичи сразу же пришли на помощь семье Шульгиных, оказывая ей всяческое содействие и всестороннюю помощь. Нину и Наталью они воспитали как родных детей. Елена Михайловна Шульгина помимо работы учителем, с целью материальной подпитки семейному бюджету нашла дополнительную работу – преподавателя высшей математики в одном из техникумов Одессы.

Наталья и Нина поступили в начальную школу, учеба в которой давалась им легко, а затем они перешли в старшую школу. И в ней учебные предметы они изучали с желанием и интересом, обучаясь старательно, увлеченно и добросовестно. Обе девочки росли в семье, где царила любовь, взаимное уважение и доверие. Близкие воспитали в них честность и порядочность, искренность в собственных мыслях, поступках и отношениях друг с другом, родными и близкими людьми, а также любовь родной природе и к Родине.

Сестры всегда правильно принимали советы членов семьи, поддержку их действий и помощь в делах, разумно они принимали и критику в свой адрес, что помогало им в дальнейшем избегать лишних ошибок или неправильных шагов в общении с другими людьми.

Незаметно быстро пролетели годы учёбы в средней школе Одессы для сестер Шульгиных. Получив аттестат о среднем образовании, успешно сдав вступительные экзамены в классический университет Одессы летом 1935 г., Нина стала студенткой 1 курса биологического факультета Одесского государственного университета (ОГУ). Первым деканом ново созданного биологического факультета в период 1933–1939 гг. был академик Академии наук Украинской Советской Социалистической Республики (УССР), профессор, доктор биологических наук Дмитрий Константинович Третьяков (Архив зоомузея). Училась Н. С. Шульгина с удовольствием, прояв-

ляя интерес и природную инициативу, старание, добросовестность и огромное желание. В середине 30-х годов XX века на биологическом факультете многие общие и частные специальные курсы читали известные ученые-биологи, прекрасные педагоги-методисты, грамотные наставники и чуткие, требовательные научные руководители. Нине Сергеевне выпала счастливая возможность слушать лекции и работать на практических занятиях у великолепных учёных-биологов и талантливых педагогов. Например, ей общие курсы читали: морфологию и систематику растений – профессор Г. И. Потапенко; анатомию растений – профессор Ф. М. Породко; неорганическую химию и органическую химию – доцент Н. Н. Неверович; введение в биологию, зоогеографию, зоологию со сравнительной анатомией – профессор, академик Д. К. Третьяков; зоологию беспозвоночных, фауну СССР – профессор С. М. Морин; геологию – профессор Е. А. Гапонов; диалектический материализм, эмбриологию с динамикой развития – профессор Н. А. Савчук; историю фауны млекопитающих – профессор И. С. Яцко; общую энтомологию – профессор А. Н. Кириченко; дарвинизм – профессор Г. А. Машталер.

Глубокие теоретические знания и практические навыки полученные у этих талантливых и высоко эрудированных специалистов, позволили ей в дальнейшем осуществлять разноплановые научные исследования. Однако особенно яркие впечатления и незабываемые воспоминания она сохранила о профессоре-зоологе А. А. Браунере, работавшем на кафедре зоологии беспозвоночных ОГУ с осени 1939 г., а в январе – мае 1941 г. еще и директором зоологического музея на биологическом факультете. Личные воспоминания об А. А. Браунере Нины Сергеевны Шульгиной сохранились благодаря профессору И. И. Пузанову, заслуженному деятелю науки УССР, заведующему кафедрой зоологии позвоночных животных и научному куратору зоологического музея ОГУ им. И. И. Мечниковав 1947–1971 гг. Они опубликованы в настоящем выпуске журнала.

В 1940 г. Нина Сергеевна получила диплом с отличием, ей была присвоена квалификация биолога. Осенью 1940 г. Шульгина успешно сдала вступительные экзамены в аспирантуру ОГУ, куда она была зачислена на биологический факультет по кафедре сравнительной физиологии. Её научный руководитель – доктор биологических наук профессор Евгений Иванович Синельников, заведовал этой кафедрой с 1933 г., когда был открыт биологический факультет при вновь организованном классическом университете в Одессе.

Первый год учёбы в аспирантуре был плодотворным, она активно изучала разнообразные методы исследований пищеварительной системы у высших хордовых животных – птиц и млекопитающих. Особое внимание она уделяла выявлению и развитию специфических лимфатических образований в кишечнике, что было новым аспектом этой интересной научной проблематики. Объектом исследований были птицы различных эколого-систематических групп, характеризующиеся неодинаковым типом питания. Необходимые ей советы и важные консультации по экологии птиц были даны профессором А. А. Браунером, прекрасно знавшим особенности систематики, зоогеографию и морфологию этой группы позвоночных животных.

В личной жизни Н. С. Шульгиной намечались изменения. Большую помощь и искреннею поддержку ей оказывал выпускник физического факультета ОГУ Николай Федорович Артамонов, 1917 г. р. В начале лета 1941 г. они оформили свои отношения в ЗАГСе, а глубокую любовь к своему супругу Нина Сергеевна пронесла через всю свою жизнь. Её память навсегда сохранила искренность чувств и романтизм отношений. 22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война, навсегда изменившая мирную жизнь. Н. Ф. Артамонов как и тысячи советских людей пошел добровольцем на фронт, где пропал без вести в июне 1944 г.

Военные действия активно приближались к портовой Одессе. ОГУ по решению руководства Советского правительства 26 июля 1941 г. начал эвакуацию из приморского города. Аспирант биофака Шульгина и её научный руководитель профессор Е. И. Синельников не смогли уехать вместе с коллегами по семейным обстоятельствам. Желая быть полезной, Н. С. Шульгина по-

просила его взять её на работу в медицинское учреждение – челюстно-лицевую клинику, в которой он работал по совместительству.

Согласно имеющимся в архивах Службы безопасности Украины материалам, 13.07.1943 г. в оккупированную немецко-румынскими захватчиками приморскую Одессу была заброшена разведывательная группа НКГБ СССР в составе Краснопёрова Александра Тихоновича и радистки разведчицы Шульгиной Натальи Сергеевны, которая успешно действовала до освобождения города войсками Советской Армии.

Наталья привлекла к себе на помощь родную сестру Нину. По специальному заданию группы Нина внедрилась в одну из резидентур гестапо, где она смогла оперативно собрать ценные сведения о сферах деятельности резидентуры гестапо и союзной ей разведки Румынии. В период оккупации Одессы сестры были личными связными известного советского разведчика Николая Гефта.

После 10 апреля 1944 г. для Нины Сергеевны Шульгиной начался новый этап в жизни. С возвращением реэвакуированных студентов, аспирантов и преподавателей ОГУ из далёкого городка Байрам-Али (Туркмкенская ССР) в Одессу, начался постепенный, но активный процесс восстановления разрушенного войной хозяйства университета. Не стояла в стороне от этого и аспирантка Нина Шульгина. Она деятельно проводила научные исследования по теме своей диссертационной работы, которые касались морфологии, гистологии и физиологии пищеварительной системы птиц разных систематических и экологических групп. Утром и днем она старательно и целенаправленно осуществляла обработку и сравнительный анализ экспериментов, намеченных её научным руководителем профессором Е. И. Синельниковым. Работала увлеченно, творчески, с вдохновением и большим желанием. Вечерами писала диссертационную работу готовилась к чтению намеченных ей специальных курсов по кафедре зоологии позвоночных животных (общая и частная орнитология, экология птиц), предложенных ей деканом биологического факультета ОГУ профессором А. Р. Пренделем и заведующим кафедрой сравнительной физиологии, профессором Е. И. Синельниковым. Как активный член бюро ВЛКСМ биологического факультета ОГУ, регулярно принимала участие в субботниках и воскресниках, связанных с восстановлением разрушенных зданий на территории родного университета. Вместе со студентами и преподавателями она часто работала на старой и новой территориях ботанического сада, деятельностью которого тогда руководил известный профессор Ю. К. Медведев, заведовавший кафедрой биохимии и микробиологии в 1944/1945 учебный году.

Несмотря на сложности и трудности первых послевоенных лет, упорный напряженный труд, кропотливая научная деятельность позволила Нине Сергеевне в срок подготовить диссертационную работу, напечатать необходимые тематические статьи для своевременной защиты диссертации. За активное содействие, разнообразную помощь, постоянное проявление инициативы, старания, умений в ходе восстановления учебного процесса на указанных выше кафедрах биологического факультета, она пользовалась всесторонней поддержкой, разнообразным содействием в творческой научно-педагогической деятельности со стороны ректора ОГУ с 1939 по 1949 г., профессора, доктора биологических наук Николая Афанасьевича Савчука (1899–1976).

17 июня 1946 г. на совместном заседании Совета биологического и химического факультетов ОГУ им. И. И. Мечникова Н. С. Шульгина успешно защитила диссертацию на тему «Развитие лимфатических образований в кишечнике птиц в зависимости от питания». А в ходе заседания Ученого Совета ОГУ от 19 июня 1946 г. был заслушан вопрос о присвоении Шульгиной Нине Сергеевне ученой степени кандидата биологических наук. В период с 28.11.1946 по 16.04.1947 г. Н. С. Шульгина работала ассистентом кафедры гистологии Одесского медицинского института имени Н. И. Пирогова.

Одновременно с 01.10.1949 г. она была зачислена на должность старшего научного сотрудника Одесской – Севастопольской биологической станции АН СССР по решению Президиума

АН ССР от 15.06.1946 г., где проработала до 01.05.1949 **г**., пока не вступило в действие новое штатное расписание СБС на 1949 год. А с 16.05.1949 г. до 01.09.1950 г. Н. С. Шульгина работала в должности младшего научного сотрудника Физиологического института им. академика И. П. Павлова АН ССР.

В тот же период по приглашению нового заведующего кафедрой зоологии позвоночных животных, доктора биологических наук профессора И. И. Пузанова и В. П. Тульчинской – заведующей кафедры микробиологии и вирусологии, Нина Сергеевна читала ряд специальных биологических курсов на указанных выше кафедрах биологического факультета.

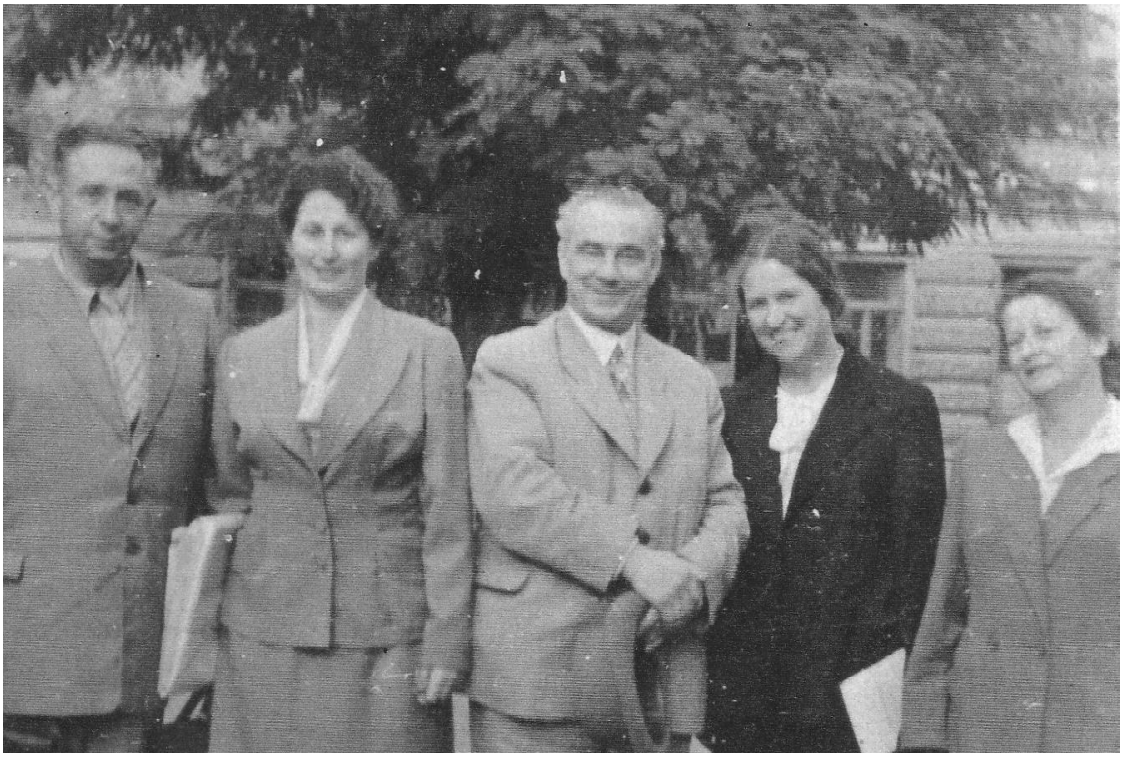
Начиная с осени 1946 г. Н. С. Шульгина начала тесное и плодотворное научное сотрудничество в сферах экспериментальной зоологии, гидробиологии, физиологии и биохимии с известнным выпускником классического университета Одессы, учеником академика Д. К. Третьякова – профессором В. В. Ковальским, д.б.н., член-корреспондентом ВАСХНИЛ, основоположником нового направления в экологии и биогеохимии – геохимической экологии животных, растений и микроорганизмов.

Профессор В. В. Ковальский с коллегами в экспериментальной лаборатории (Одесса, 29.08.1950 г.). Слева сидит Н. С. Шульгина, стоит В. Н. Кефер, справа сидит Л. С. Жолнерович).

Научные эксперименты и разнообразные по тематике биологические опыты по прикладной зоологии, гидробиологии, проводимые Н. С. Шульгиной затрагивали различные аспекты эволюционной биологии, экологии и биохимии живых организмов разных систематических групп. Хотя, в большой мере, исследовательская работа в лаборатории Шульгиной с коллегами велась с животными. Ею изучалась роль и значение биологических, суточных и сезонных ритмов в историческом процессе развития живых организмов.

Почти 35 лет самоотверженного труда и активной научной деятельности отдала Н. С. Шульгина Украинскому научно-исследовательскому институту глазных болезней имени академика В. П. Фила-

това. 30.09.1950 г. она была зачислена на должность заведующей клинико-диагностической лабораторией института по приказу № 176-182 от 30.09.1950 г., а 22.09.1951 г. её переводят на должность заведующей лаборатории консервации тканей.



Профессор Н. С. Шульгина с коллегами у здания Офтальмологического института имени В. П. Филатова в Одессе (1968 г.). Слева направо стоят: профессор Р. О. Файтельберг, Л. С. Жолнерович, профессор В. В. Ковальский, В. Н. Кефер, Н. С. Шульгина.

Длительно ведя познание различных проблемных вопросов консервации и трансплантации донорских тканей, активно применяющихся в офтальмохирургии, Н. С. Шульгина уделяла особое внимание проблеме приживления роговичного трансплантанта на почве ожоговых бельм. В первой половине 50-х годов XX столетия Н. С. Шульгина активно сотрудничала с профессором С. А. Никитиным, которого за неординарность мышления, природный ум и научную самобытность, любовь к кропотливому практическому поиску истины высоко ценил академик В. П. Филатов. Под руководством профессора С. А. Никитина, Н. С. Шульгина выполнила серию ценных исследований, касающихся экспериментальной медицинской зоологии. Проведенные коллегами опыты затрагивали влияние различных факторов (физиологических, химических и др.) на процессы регенерации различных типов тканей у живых организмов разных систематических групп.

Н. С. Шульгина и С. А. Никитин были не только коллегами, но и близкими людьми по духу, уму, мышлению, отношению к работе и людям. Работа была главной в их жизни, научному поиску они отдавали все свое время силы и знания, всегда увлекая таким подходом коллег и вовлекая в процесс нахождения истины молодых учеников.

Н. С. Шульгина продолжала активное сотрудничество с учеными родного биологического факультета, особенно часто она контактировала по различным, научным вопросам с профессорами И. И. Пузановым, Н. А. Савчуком, Р. О. Файтельбергом, В. П. Тульчинской. Ценя её глубокий профессионализм, высокий уровень эрудиции, природный такт, удивительные познания и широту

педагогических знаний, ряд заведующих кафедрами биологического факультета ОГУ имени И. И. Мечникова, которые в разные годы являлись и деканами указанного выше факультета – профессора Г. В. Ткаченко, В. С. Чепурнов, Ф. С. Замбриборщ приглашали ее председателем Государственной экзаменационной комиссии.

Осуществление Н. С. Шульгиной планомерных исследований в области консервации, трансплантации полученных от доноров тканей, позволило ей выявить и правильно оценить значимость иммунологических реакций в ходе патогенеза ожоговой болезни глаз. В результате многолетних лабораторных опытов, кропотливого и детального анализа их результатов, она смогла показать необходимость глубокого и всестороннего изучения роли иммунологии в офтальмологии.

Серией научных работ Н. С. Шульгина и её коллеги дали начало развитию этого научного направления на Украине и в СССР. Результаты этих экспериментов она многократно докладывала на международных, союзных, республиканских научных съездах, конференциях и симпозиумах, где они получили высокую оценку коллег-медиков и биологов. В период 1950–1965 гг. ею было опубликовано несколько десятков научных статей (более 28), имеющихся в каталоге научной библиотеки офтальмологического института имени В. П. Филатова, которым многие годы успешно руководит Тамила Агаповна Марышева.

Анализ и детальное сравнение полученных в опытах результатов позволили Нине Сергеевне Шульгиной стать автором двух монографических работ:

1. Консервация роговой оболочки и хряща для гомопластических операций в офтальмологии (1963);

2. Роль иммунологических реакций в развитии патологического процесса в роговой оболочке при ожоге глаз (1965).

Значительно расширенный, серьезно дополненный всесторонним анализом опытно-экспериментальный материал был использован ею при написании докторской диссертации, выполненной при поддержке научного консультанта и коллеги – академика Н. А. Пучковской, которую она успешно защитила в 1965 году, став доктором биологических наук. Решением ВАК СССР Н. С. Шульгиной в 1968 г. было присвоено ученое звание профессора.

С 01.06.1968 г. до 17.03.1975 г. профессор Н. С. Шульгина занимала должность руководителя лаборатории консервации тканей (по приказу № 70 от 05.06. 1968), а с 12.12.1972 г. она в качестве старшего научного сотрудника была руководителем группы консервации тканей.

В период 18.03.1975 г. по 25.03. 1985 г. д.б.н. профессор Н. С. Шульгина была утверждена в должности руководителя лаборатории патоморфологии и иммунологии.

25.03.1985 г. она была уволена с работы в связи с переходом на пенсию. Однако уже с 04.04.1985 г. профессор Н. С. Шульгина была принята на должность старшего научного сотрудника на 0,5 ставки, в качестве консультанта. А 24.01.1989 г. она была уволена с работы по собственному желанию.

Решением Государственного Комитета по Государственным премиям Украинской ССР в области науки и техники при Совете Министров УССР Н. С. Шульгиной был выдан диплом лауреата Государственной премии УССР за 1978 год.

Столь высокой государственной наградой профессор Н. С. Шульгина и группа её коллег-офтальмологов были награждены за многолетние работы по патогенезу и успехи в лечении ожогов глаз.

Профессор Н. С. Шульгина была активным и инициативным научным сотрудником. Её отличали хваткость и цепкость ума, умение необычайно внимательно слушать людей и схватывать всё на лету, мыслить неординарно, часто предлагая очень нестандартные решения сложных теоретических вопросов и практических проблем.

В научном плане Нина Сергеевна Шульгина была мозговым центром офтальмологическкого научного института Одессы. Ученица и последовательница академика, основателя Всемирного известного офтальмологического центра В. П. Филатова, академик Н. А. Пучковская высоко ценила Н. С. Шульгину за удивительный талант научного предвидения и за необычайно развитый ум.

Тепло вспоминают профессора Н. С. Шульгину и её многочисленные ученики. Так например, в монографии «Ожоги глаз», издательство «Медицина» (2001), серия «Библиотека практикующего врача» ее авторы – Н. А. Пучковская, С. А. Якименко, В. М. Непомнящая отмечают, что они более 40 лет плодотворно трудились вместе с Ниной Сергеевной Шульгиной. Коллеги, ученики и последователи академика Н. А. Пучковской хорошо знали особенность её характера – она никогда не стремилась приближать к себе людей. Однако ею для Нины Сергеевны было сделано единственное исключение.

В собственной научно-автобиографической монографии «Эпоха и моя жизнь» в разделе основные направления исследований, академик НАН и АМН Украины, профессор Н. А. Пучковская отмечает, что в 50-е годы XX века послойная кератопластика в нашей стране фактически не проводилась с оптической целью. Однако в других странах, особенно во Франции она использовалась в случае поверхностного помутнения сетчатки, чаще всего дистрофического характера. Работы одесских офтальмологов способствовали внедрению в бывшем СССР оптической ламелярной кератопластики в случае не только ожоговой, но и иной этиологии. Совместно с Н. С. Шульгиной и В. М. Непомнящей (1961, 1964) был разработан метод патогенного лечения отёков глаз с использованием сыворотки крови из ожоговых реконвалентов и антистафилоккоковой плазмы.

Н. С. Шульгина и Н. А. Пучковая не только плодотворно могли работать, но умели отдыхать и любили путешествовать, особенно в лесной зоне бывшего СССР и и Украины.

Каждый год Н. С. Шульгина и Н. А. Пучковая совершали круизные путешествия вдоль побережий Черного моря от Одессы до Батуми или в сторону Варны и Бургаса, что позволило Шульгиной перерасти сложный, врожденный порок сердца.

Из многочисленных научных командировок рабочих поездок и экскурсий она всегда привозила конфеты, печенье и многие другие гостинцы, которые любила раздавать детям и соседям в доме. А к праздникам всегда вместе с сестрой любили печь домашние вкусные торты, рулеты, пироги. Этими кондитерскими изделиями она угощала всех подростков участников специальных театрализованных представлений, постановкой которых Н. С. Шульгина неизменно руководила многие годы. А их чёткую и слаженную организацию всегда осуществляла её родная сестра – верная помощница и преданная соратница, во всех нужных семейных начинаний.

В пятиэтажном доме по адресу: улица Новоселов 6 а, кв. № 6. (позднее Академика Филатова), почти на углу с улицей Варненской, Н. С. Шульгина прожила с 1963 года более 20 лет. Жильцы и соседи её по первому кооперативному дому НИИ глазных болезней и офтальмологии, хорошо помнят её доброе и трогательное отношение к детям и подросткам, особенно в преддверии праздников. Хранят эти люди и светлую память о ней за любовь к животным, которых она не только держала у себя в квартире, как собак Чубика, Тобика и др., а также к жившим во дворе. Всех дворовых животных – собак, кошек, птиц она всегда кормила, ухаживала при их болезнях, облегчая и помогая переносить боль и страдания, кормила, поила, поддерживая в любое время года.

Уважительно к ней относились и многочисленные коллеги: профессор И. И. Пузанов считал её одной из лучших последовательниц академика Д. К. Третьякова, многолетний хранитель коллекционных собраний зоологического музея ОГУ. И. О. Генесин называл её любимой ученицей профессора А. А. Браунера, а профессор В. В. Ковальский указывал, что она самая активная аспирантка профессора Е. И. Синельникова.

Доктор биологических наук Н. С. Шульгина была патриотом города-героя Одессы, участником Великой Отечественной войны. Она была награждена многими правительственными наградами и медалями «За отвагу» «Партизану Отечественной войны второй степени», «За оборону Одессы», «70 лет Вооруженных сил СССР», орденом «Великой Отечественной войны», значком «Отличник Здравоохранения», памятными и юбилейными медалями, Почетными грамотами МЗ УССР, благодарностями от руководства МЗ СССР.

Нину Сергеевну Шульгину всегда отличало доброжелательное и уважительное отношение к людям: тактична и сдержанна с больными, откровенна и открыта с коллегами, увлеченная и готовая к диалогу в общению со студентами и молодыми коллегами. Профессор Н. С. Шульгина руководила работами 14 аспирантов, успешно защитивших кандидатские диссертации, были у неё и несколько докторантов.

Работала Н. С. Шульгина активно и напряженно, стремясь в срок выполнить намеченные научные программы. Она была автором более 200 научных публикаций, из них 5-ти монографий.

Скончалась Нина Сергеевна Шульгина 09.12.1990 г. в Одессе, где и похоронена.

Вечная память о ней навсегда сохранится в сердцах людей, знавших её, учившихся у неё, работавших с ней, как о яркой личности и талантливом учёном.

Авторы выражают глубокую и искреннюю признательность Збандут Инне Семеновне и Марышевой Тамиле Агаповне, оказавшим помощь и поддержку в написании данной статьи.

Поступила в редакцию 13.02.2017 г.

НЕКОТОРЫЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ Н. С. ШУЛЬГИНОЙ

Ковальский В. В., **Шульгина Н. С.** Суточная и сезонная изменчивость защитных реакций у идотей (*Idothea baltica* Pall.*)* // Отд. Оттиск материалов по эволюционной физиологии. Т. 2. Б. М. – С. 60-85.

Ковальский В. В., **Шульгина Н. С.** Защитная окраска ракообразных идотей (*Idothea tricuspitata* Desm.) // отд. Оттиск из Докладов АН СССР. – 1948. –- Т. LX. – № 8. – С. 1465-1468.

Шульгина Н. С. Развитие лимфатических образований в кишечнике птиц в зависимости от питания // Праці ОДУ ім. І. І. Мечникова. – 1959. – Т. №. – В. 2 (63). – С. 93-105.

Шульгина Н. С. Роль нарушение иммунобиологических систем в патогенезе ожогового процесса роговицы // Тезисы докл. Научной сессии Укр. Науч. Иссл. Экспериментального института глазных болезней им. акад. В. П. Филатова. – Одесса, 1959 г. – С. 70.

ЮБИЛЕИ

25. 01. 2017 г. исполнилось 160 лет со дня рождения А. А. Браунера, отечественного естествоиспытателя-зоолога, всю свою жизнь посвятившего изучению фауны Северного Причерноморья. Он был не только выдающимся исследователем, но и хорошим человеком. Его высокие моральные качества, отношение к окружающим характеризует небольшая заметка Н. С. Шульгиной, рукопись которой была обнаружена при разборке ее архивов. Мы публикуем к юбилею ученого воспоминания о нем, полагая, что они помогут дополнить представления об этом человеке, изложенные ранее в публикациях знавших его лично людей.

Редколлегия

УДК 573:929 БРАУНЕР

Н. С. ШУЛЬГИНА

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АЛЕКСАНДРЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ БРАУНЕРЕ

Я познакомилась с А. А. Браунером в 1938 г., когда собралась ехать на летнюю практику в Асканию-Нова. А. А. уже не работал там и всего за несколько недель до моего прихода к нему, вернулся из Аскании-Нова, с тем, что бы больше ни разу туда не попасть. Свой первый приход к Александру Александровичу я помню очень хорошо. Повел меня к нему (я тогда была студенткой 3 курса) мой знакомый – врач Н. И. Герасимов, любитель-охотник, познакомившийся с А. А. при каких-то обстоятельствах, связанных с охотой. А. А. нас встретил очень приветливо. Приветливость к людям вообще была ему присуща, это была особая приветливость, не ласкового гостеприимства, а приветливость являвшаяся следствием живого интереса к людям.

Комната-кабинет А. А. представляла собой целое книгохранилище. Все стены были заставлены полками, наполненными книгами до самого потолка. Свободными от книжных полок оставались только дверные и оконные проёмы. Книги громоздились и на большом письменном столе и на этажерке возле него. В комнате еще находилась узкая постель, покрытая солдатским серым одеялом. Был вечер, комната была слабо освещена настольной лампой под зеленым абажуром. За письменным столом сидел А. А. С того вечера и до дня его смерти я довольно часто бывала у него и всегда помню его за этим столом, на котором обычно кроме бумаги и чернил лежали черепа животных, составлявшие в последнее время предмет живого интереса А. А. Узнав зачем мы пришли, А. А. очень живо заговорил об Аскании. Он категорически высказался о том, что туда следует ездить и учиться. Несмотря на то, что я была ему незнакома, и, кроме того, студентка университета, в котором он не работал и даже имел основания питать чувство горечи к этому учреждению, игнорировавшего его в то время, и оставившего его в большой материальной нужде, несмотря на это он отнесся ко мне очень хорошо, проявил живой интерес к моему стремлению глубже ознакомиться с зоологией. Перечислив основные виды птиц, содержавшихся в то время в зоопарке Аскании-Нова, он велел мне прочитать особенности их биологии и после

© Шульгина Н. С., 2017 г.

этого прийти к нему еще. Я так и сделала. Когда я уехала в Асканию-Нова он просил меня писать ему и регулярно отвечал. В течении зимы 1938/39 годов, я заходила к Александру Александровичу. Всегда находила в нем человека – активно откликавшегося на мои интересы и очень живо, рассказывавшего об отдалённых эпизодах своей жизни естествоиспытателя. В 1939 г. я уезжала на практику в Астраханский заповедник. В университете в то время такая форма дипломной практики не была узаконена (обычно практики – были в виде экскурсий). Я уезжала первая. Мой отъезд был инспирирован Александром Александровичем. Из Астрахани он просил меня привезти ему черепа волков. В 1939 году Александр Александрович был уже приглашен в университет, для упорядочения коллекций позвоночных в музее. Я была студенткой последнего курса, вместо большого практикума по зоологии, мне было разрешено помогать А. А. в его работе в музее. Он был очень точен. Мое расписание он сделал своим и приходил точно, никогда не опаздывая в то время, которое деканатом было у меня освобождено от занятий. Кроме того, мы работали и в неурочное время. При работе он очень оживлялся. Постоянно, когда я на стол ставила перед ним чучело той или иной птицы, я наблюдала его встречу со старым знакомым, с которым связано много и встреча с которым, радует и преображает человека. Так, например, я помню, увидев пеганку, он обрадовался ей и спросил меня: «Видела ли я эту птицу в природе?». На мой ответ, что не видела он непосредственно воскликнул: «Значит Вы ничего красивого не видели в жизни!». Так же непосредственна и радостна была его встреча с сорокопутами и иволгой.

Помню и один мучительно неприятный для меня эпизод. Я написала дипломную работу, это была первая научная работа в жизни и поэтому у меня не было еще никаких сомнений по поводу ее качества. Был просто один восторг, что я ее написала, и что она, как мне тогда казалось, представляет собой самостоятельное исследование. Тема ее была о линьке водоплавающих в условиях Астраханского заповедника. Моим рецензентом был назначен Александр Александрович. Я, будучи переполнена чувством благодарности к нему за все что он сделал для моего роста, как зоолога, и чувством восторга к тому, что работа мной написана, не предаваясь никаким сомнениям, отправилась к А. А. с работой (я должна была почему-то сама её ему вручить), букетом фиалок и тортом. А. А. первый раз в жизни встретил меня сурово и как-то очень резко, ничего не смягчая, сказал, что, принося работу нельзя приносить даров, т. к. это производить впечатление подкупа. Не знаю был ли это со стороны А. А. просто педагогический прием, направленный к тому, чтобы дать мне урок на всю жизнь или действительно он так плохо обо мне тогда подумал, но я до сих пор испытываю чувства мучительного стыда и неловкости, которые пережила тогда.

Его же отношение ко мне не изменилось. Что бы охарактеризовать еще черту А. А. как человека, умевшего высоко ценить хорошее, я должна рассказать об одном случае. Университет готовился к своему юбилею. Александру Александровичу ректор поручил написать воспоминания о профессорах университета, которых ему пришлось слушать. Он пригласил меня к себе по какому-то делу, а затем, будучи во власти воспоминаний, предложил мне, прослушать некоторые из них. Конечно я с восторгом согласилась. Он читал свои воспоминания, написанные очень хорошо, читал с большим волнением и даже заплакал, на чем и кончилось наше чтение. В этих воспоминаниях, а главное в том чувстве с которым он читал, я ощутила глубокое уважение, настоящую любовь к тем, кто направлял его, кого он считал своими учителями и среди них прежде всего к А. С. Постникову.

Александр Александрович любил молодёжь, он руководил последний год своей жизни студенческим зоологическим кружком и к этому делу относился горячо.

Умер А. А. Браунер внезапно 5 мая 1941 года. Накануне он был в университете, как обычно и даже пришел на кафедру физиологии к профессору Синельникову, что бы повидаться с ним.

О качествах А. А. Браунера как человека, говорит еще и такой случай. Когда он остался без работы, то он очень жестоко нуждался. Возле дома, где он жил обычно сидел старик нищий. В то время помочь ему А. А. ничем не мог, но познакомился с ним и часто разговаривал. Как-то, неожиданно А. А. перед Пасхой получил от кого-то из Киева праздничную посылку с продуктами (родственников у него не было, посылку, вероятно, прислал кто-то из ученых). А. А. очень обрадовался этой посылке и сейчас же пошел поделиться своим «добром» с этим нищим. Несмотря на то, что в то время тяжелые материальные обстоятельства сопутствовали А. А., он и его жена усыновили сироту – мальчика Витю, растили его. Перед войной этот мальчик был уже студентом географического факультета университета. Когда началась война, Виктора Браунера мобилизовали, но т.к. у него была немецкая фамилия его отправили на какие-то работы, где этот молодой человек и погиб.

Поступила в редакцию 13.02.2017 г.

ИНФОРМАЦИЯ

Н. Н. СПАССКАЯ

ЮБИЛЕЙ ЗООЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Осенью 2016 г. университетский Зоологический музей отметил свое 225-летие. Официальную историю музея принято отсчитывать с 1791 г., когда коллекция «натуралий» расположилась в помещении отстроенного по проекту Казакова нового здания университета на Моховой улице, хотя сами коллекции появились фактически одновременно с образованием университета. История музея, его коллекций и сотрудников, неоднократно описывалась (Россолимо, 1991; Любарский, 2009; Михайлов, 2002), уточнялась и дополнялась (Павлинов, 2016), поэтому повторять ее даже в кратком изложении нет необходимости. Следует только отметить, что история музея – это значительная часть истории биологии России. С Зоологическим музеем Московского университета связаны имена целой плеяды блестящих ученых. Некоторые из них работали здесь всю жизнь или большую ее часть, начинали ассистентами после окончания университетского курса, а потом становились профессорами, академиками и создателями собственных научных школ. Но нам в большей степени хочется не оглядываться на прошлое, пусть и великое, а чтя традиции, не только идти в ногу со временем, но и сохранять передовые позиции.

Что представляет музей сегодня, чем он живёт? Вся музейская деятельность «вращается» вокруг коллекций, использования их в научных, образовательных и просветительских целях. Эти основные задачи музея, или как ныне называют – миссии, были сформулированы еще в XIX в.

© Спасская Н. Н., 2017 г.

К настоящему моменту Зоологический музей Московского университета – это крупнейшее зоологическое собрание. Он по общему объему коллекций уступает в России только Зоологическому институту РАН в Санкт-Петербурге; в мировом рейтинге занимает примерно 13 место среди естественнонаучных музеев и 4-е среди университетских музеев. С 1991 г. музей имеет статус научно-исследовательского. Штат научных сотрудников небольшой (27 человек), но большинство из них – ведущие специалисты по морфологии, систематике, фаунистике и биогеографии разных таксономических групп животных. Эффективность работы научных сотрудников сейчас принято оценивать по количеству и качеству публикаций. Ежегодная публикационная активность музейцев достаточно высокая: около десятка монографий и сборников статей, в том числе собственные повторяющиеся издания — «Труды» и «Зоологические исследования», около сотни научных статей, в том числе и в ведущих международных журналах.

Новые запросы современной науки заставляют расширять формы коллекций и сферы их использования. Например, помимо классических форм хранения материалов (сухое и влажное консервирование тотальных экземпляров или отдельных их частей) в музее появились пробы тканей для ДНК-анализа, виртуальные коллекции (генотипы и кареотипы, сиквенсы отдельных генов или групп генов, аудиозаписи голосов и др.). Музей располагается в историческом здании 1901 г. постройки, в центре Москвы, а коллекции постоянно растут, и поиск дополнительных площадей похож на игру в пятнашки. Эту проблему частично снимает переоборудование хранилищ новыми; подвижных стеллажей, специальными герметичными боксами с большой емкостью.

Музейные коллекции существуют как вечная энциклопедия, в которую всегда можно заглянуть при возникновении очередного вопроса. Развитие новых методов и технологий исследований позволяет вновь и вновь использовать музейные предметы, причем даже собранные несколько столетий назад. Неразрушающие методы исследования (томография, 3D-сканирование и др.) многократно увеличивают возможности разноплановых исследований. Все эти современные реалии заставляют обновлять приборный парк. Так в 2016 г. в музее начала функционировать молекулярная лаборатория, специализирующаяся на выделении ДНК из старых музейных экспонатов. Отдельной задачей стоит создание электронных баз данных и цифровых коллекций – это позволит увеличить возможности использования коллекций, в том числе и в удаленном режиме. Эти перспективы могут быть реализованы при превращении музея в кластер национального депозитария живых систем, прообраз которого создается в Московском университете в рамках реализации гранта Российского научного фонда.

Зоомузей – музей публичный, был открыт для посещения массовой публикой еще в 1806 г. и практически с того время не закрывал свои двери (за исключением периодов реконструкций). И сейчас музей активно развивает образовательную и популяризаторскую деятельность. Так он стал инициатором и координатором нескольких общественно-научных проектов, которые связаны с организацией обширных сетевых структур для привлечения не только профессиональных зоологов, но и любителей: Программа «Птицы Москвы и Подмосковья» работает с 1999 г., проекты по мониторингу численности обычных видов птиц в Москве и Московской области и составлению Атласа гнездящихся птиц Европейской части России запущены с 2011 г.

Для посетителей постоянно открыты три экспозиционных зала, которые демонстрируют разнообразие животных мировой фауны, а также существует широкий спектр образовательных услуг – экскурсии, лекции, интерактивные занятия, квесты, викторины, мастер-классы, экологические фестивали и праздники и многое другое. Постоянно растущая конкуренция в области рекреационных услуг среди разнообразных учреждений Москвы, вынуждает нас активно работать в этом направлении, чтобы не потерять посетителей, оставаться для них интересными и привлекательными.

Юбилей заставил оглядеться, что-то переосмыслить, скорректировать направление дальнейшего развития музея (см. подробнее в Калякин, Спасская, 2016). Состояние музея отражает состояние общества. Проблемы у нас во все времена были одни и те же – площади, деньги, кадры. Они есть и сейчас, но не только у нашего музея. К сожалению, часть из них музей не может решить самостоятельно, необходим комплексный подход и поддержка. Финансирование происходит из средств, которые музей получает за образовательные услуги посетителям, и за счет разных грантов. В частности, существенные дотации были получены из гранта РНФ – это первый случай за многие десятилетия целевого направления средств именно на музейные нужды, но это только частично помогает решить наши первоочередные проблемы. Но несмотря на все трудности, музейцы сохраняют оптимизм. Ведь были и более сложные времена, но музей, благодаря людям преданным коллекциям, сохранился. Вот и сейчас 225-летняя история и обязательства перед потомками заставляют «держать спину» и не опускать руки.

Литература

Калякин М. В., Спасская Н. Н. Зоологический музей МГУ сегодня и завтра – между прошлым и будущим. Зоологические исследования. – 2016. – № 19. – С. 158–167.

Любарский Ю. Г. История Зоологического музея МГУ. Идеи, люди, структуры. Москва: Т-во науч. изд. КМК. – 2009. – 744 с.

Михайлов К. Г. Материалы по истории Зоологического музея МГУ (1917–1978). Москва: Т-во науч. изд. КМК. – 2002. – 59 с.

Павлинов И. Я. Зоологический музей Московского университета: фрагменты истории (1755–1991). Зоологические исследования. – 2016. – № 19. – С. 57–157.

Россолимо О. Л. (ред.) Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. университета. – 1991. – 264 с.

Поступила в редакцию 18.12.2016 г.

Содержание

Научные сообщения

Линецкий Б. Г. Ревизия экспозиции моллюсков Северо-Западного Причерноморья в зоологическом музее Одесского национального университета..... 1

Деятели науки

Михалев Ю. А. Алексей Владимирович Яблоков – в моей жизни и в моей памяти 8
Богачик Т. А., Рясиков Л. В., Суворов Ю. В. О профессоре-биологе Нине Сергеевне Шульгиной 18
Шульгина Н. С. Воспоминания о Александре Александровиче Браунере 27

Информация Музейного фонда

Спасская Н. Н. Юбилей Зоологического музея Московского университета.....29

Contents

Scientific reports

Linetsky B. G. Examination Exposition of Mollusks of the North-Western Black Sea Coast of the Zoological Museum of ONU 1

Science Deatlly

Mikhalev Yu. A. Alexey Vladimirovich Yablokov – in my life and in my memory 8
Bogachik T. A., Ryasikov L.V., Suvorov Yu. V. About professor-biologist Nina Sergeevna Shulgina 18
Shulgina N. S. Memories of Alexander Alexandrovich Brauner.....27

Information of the Museum Fund

Spasskaya N. N. Anniversary of the Zoological Museum of Moscow University 29

На первой странице обложки:

Конференция по морским млекопитающим в Одессе (2008). Алексей Владимирович Яблоков держит в руках подаренную ему только вышедшую из печати книгу Ю. А. Михалева «Киты Южного полушария».
Фото Ю. А. Михалева.

Вісті Музейного Фонду ім. О. О. Браунера

Том XIV № 1 2017

Науковий журнал
Російською та українською мовами

Головний редактор
канд. біол. наук Ю. М. Олійник
Засновник та видавник:
Музейний фонд імені О. О. Браунера

Редакційна колегія:

Член-кор. НАНУ Б. Г. Александров,
канд. біол. наук М. М. Джуртубаєв,
канд. біол. наук В. В. Заморов,
канд. біол. наук Д. А. Ківганов,
канд. істор. наук В. О. Кузнєцов,
д-р. біол. наук А. І. Кошелев,
д-р біол. наук В. О. Лобков
(заст. редактора),
канд.. біол. наук Н. М. Спаська,
Ю. В. Суворов,
Л. В. Рясіков,
С. Г. Сичева (відповід. секретар)
Відповідальний за випуск В. О. Лобков

Свідоцтво про державну
реєстрацію ОД № 913
від 13.12.2003 р.

65058, м. Одеса,
пров. Шампанський, 2,
біологічний факультет ОНУ,
зоологічний музей.
Тел. (048) 68-45-47,
e-mail: zoomuz@te.net.ua;
zoomuz2017@gmail.com

Здано у виробництво 12.03.2017 р.
Підписано до друку 21.03.2017 р.

Видавець і виготовлювач:
Одеський національний університет
імені І. І. Мечникова
65082, Україна
м. Одеса, вул. Єлісаветинська, 12,
Тел.: (048)723-28-39
E-mail: druk@onu.edu.ua